мы вернулись на диван, который отделен от спальни лишь маленькой дверью. Александрина Дьякова, видя, что мы только втроем, не опасаясь высказала свое мнение о беспокойстве, которое испытывала тетя при малейшем недомогании моего дяди, что в его возрасте любые болезни могут быть смертельными. Я восприняла это с грустью, говоря, что у нее всегда черные мысли и что она так холодно говорит о смерти. «Милая,— сказала я, когда очень любишь человека, то чем он старше, тем больше опасаешься не только говорить о смерти, а даже о ней думать». «Ну, по-моему,— возразила она,— это глупость, из-за этого не умирают». Мы еще разговаривали, когда я услышала стоны. «Снова начались спазмы»,— сказала я своим кузинам и вне себя побежала в спальню, вошла туда. В это мгновение я увидела тетю, выходящую с искаженным лицом. «*У него тоска несносная*,— сказала она,— *он бредит*»,— она принялась ходить, ломая себе руки. Войдя в спальню, я подошла к дяде; он пришел в сознание, но очень жаловался: «*Ох, тяжело, ох, тошно, Господи, помоги мне, Господи, помоги мне, грешному... Не знал, что будет так тяжело — Так надо!... Господи, помилуй меня, прости меня*». Вот что я услышала. Эти слова разрывали мне сердце. «*Так надо, так надо*,— снова с интервалами повторял он,— *не послушал*»,— разумея, вероятно, суп, который тетя просила есть поменьше. Его жестокие спазмы возобновились сильнее, чем всегда, он метался в кровати, стонал, ломал от боли руки. Напрасно ему прикладывали горячие полотенца, натирали его спиртом, ничто ему не помогало. Врач полагал, что горчичник, поставленный на область желудка, снимет боль или, по меньшей мере, отвлечет от боли; ему поставили один, он успокоился, на какое-то время его кроткое расположение духа тотчас возвратилось. «*Вы отужинали?*» — спросил он, увидев меня возле кровати. «*Отужинали, бесценный дядинька*»,— ответила я. «*Больно мне, что вас всех так взбудоражил, без меня давно бы все спали*». Я побежала к тете сказать, что он успокоился, так как у нее не было больше сил его видеть. Она вошла и, приблизившись к нему, попросила не откладывать больше отъезд и разрешить все подготовить к завтрашнему утру. «*Зачем мне ехать?* — ответил он ей. — *Бог даст, все пройдет*». «*Нет, мамичка, для моего спокойствия поедем*». — «*Ну, пожалуй, коль непременно ты хочешь и что мне лучше не будет, то завтра поедем*». Довольная тем, что он согласился на отъезд, тетя вышла сделать наспех необходимые распоряжения; мы должны были ехать на другой день рано утром. Оставшись в комнате, я услышала, как доктор спросил, произвела ли горчица свое действие? «*Уж не только щиплет*,— ответил он, улыбаясь,— *а просто кожу дерет, но я этой боли рад супротив той-то. Слава Богу, теперь отдало*». При этих словах радость появилась на всех лицах, но, увы, она была недолгой. Опять наступил